

РЫЦАРЬ КРОВАВОЙ РОЗЫ

ТИМУР МАРКОВ

Тимур Марков

**Рыцарь Кровавой Розы.
Темное Сердце Камелота #1**

«Издательские решения»

Марков Т.

Рыцарь Кровавой Розы. Темное Сердце Камелота #1 /
Т. Марков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966197-5

Загадочный остров Альбион — мрачное и опасное место, полное чудовищ и темной магии. В центре его расположилось королевство Логрия, где правят благородные Дома — древние династии, в чьих венах струится кровь волшебного народа Ши. Тристан из дома Лионессе — пылкий юноша, мечтающий о славе. Вот-вот ему предстоит пройти посвящение в рыцари, с чего должен начаться его путь к величию. Но будет ли эта тропа столь широкой и прямой, как грезит Тристан? И какие еще тайны скрывает темное сердце Камелота?

ISBN 978-5-44-966197-5

© Марков Т.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
III	13
IV	15
V	21
VI	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рыцарь Кровавой Розы Темное Сердце Камелота #1

Тимур Марков

Редактор А-К. Никитина

Редактор Александр Хаку

Корректор Архан Черный

Редактор Евгения

© Тимур Марков, 2019

ISBN 978-5-4496-6197-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Он бежал по узкой тропе сквозь чащу. Лес, словно застывший в зените осени, обступал его слева и справа золотисто-багряной стеной. Ветер, гулявший между ветвями, заставлял шелестеть листья, играющие всеми оттенками желтого и бордового. Тропа извивалась, будто змея, и, петляя, заманивала его в самое сердце леса.

Он бежал, бежал вперед, не оглядываясь и не раздумывая. Холодный ветер бил его в лицо, колючие ветви цеплялись за одежду. Он ступал босиком по вековому ковру из палых листьев вперемешку с грязью, но ничто из этого не имело значения. Азарт погони, охвативший его, вытеснил из головы все остальное. Все его чувства обострились до предела. Безудержная жажда охоты бежала по его венам, и все, что он мог слышать, это собственное прерывистое дыхание и бешеный ритм, который отбивало сердце. Земля, небо, ветер, лес вокруг – все это перестало существовать. Мир съежился до маленькой тропки сквозь чащобу, где существовали лишь двое – он и его добыча, бежавшая впереди. Пока бежавшая...

Он пересек небольшой ручей и не обратил ни малейшего внимания на фонтан ледяных брызг, хлестнувший его по ногам. Впереди показалась огромная коряга, упавшая поперек дороги. Зверь проскользнул под ней, видимо, надеясь, что это остановит преследователя, но охотник с легкостью преодолел препятствие, ни на дюйм не убавив скорости. У животного нет ни единого шанса. Ни у кого нет шансов. Ибо он был рожден, чтобы стать охотником. Охота была у него в крови, она была его призванием, его сущностью. Он сам был Охотой...

Наконец он понял, что зверь начал выдыхаться. Еле заметно, но тот все же замедлил бег, и это не укрылось от взора охотника. Как будто нарочно, тропа внезапно перешла в небольшую поляну, укрытую красно-золотым одеялом. Наступал решающий момент.

«Сейчас или никогда!» – пронеслось в его голове.

Охотник резко остановился и занес вверх руку, в которой сжимал короткое черное копьё. Всего лишь доля секунды, чтобы прицелиться. Второго шанса не будет.

«Он и не понадобится».

Он набрал в грудь воздуха, выждал ровно один удар сердца, сделал глубокий выдох, и...
– Тристан!

Звук его собственного имени, словно разгневанный призрак, ворвался в изолированный мир охотника, в мгновение ока разрушив концентрацию. Прямо в момент броска его рука слегка дернулась, но этого было достаточно. Чёрной молнией копьё пронеслось сквозь поляну и с глухим стуком вонзилось в упавшее дерево. Ровно в том месте, где долю секунды назад стоял зверь...

Животное, чудом избежавшее смерти, развернулось к нему, и, насмешливо хрюкнув, скрылось в чаще. Он не мог поверить своим глазам. Столько времени, столько сил, напряжение всех своих инстинктов – и все это было потрачено зря?! Он терпеть не мог, когда что-то шло не так. Особенно, когда он так тщательно готовился. Мир вокруг стал снова обретать краски и звуки, вернулись крики птиц и холодное дыхание ветра. Он чувствовал, как последние искры охотничьего азарта покидают его тело, испаряясь в прохладном дневном воздухе, а на их месте неумолимой силой разрастается гнев.

Юноша, которого называли Тристаном, обернулся, чтобы увидеть, кто посмел так нагло его прервать. На краю поляны на гнедом коне восседал рослый мужчина средних лет. Его виски и короткую бороду слегка тронула седина, но размах плеч и твердость, с которой он держался в седле, выдавали в нем опытного воина. Горвенал, правая рука его отца и наставник самого Тристана. Ну, разумеется... Никто другой не осмелился бы на подобную дерзость. Никто другой после такого просто не сносил бы головы.

Тем не менее, сказать, что он зол, значило бы ничего не сказать. Он был в ярости и не видел ни одной причины этого скрывать. Резким движением Тристан сорвал охотничьи перчатки – единственный предмет своей одежды, не считая короткой шерстяной туники, перехваченной на талии кожаным поясом, – и швырнул их на землю.

– Да как смеешь ты вот так прерывать меня?! – проорал он. – Я два часа выслеживал этого зверя, потом еще час преследовал его – и в самый последний момент, когда добыча была уже у меня в руках, явился ты и все испортил!

Тристана чуть не трясло от злости. Он чувствовал, как вздулись вены на его шее и как дрожат его губы. Лицо Горвенала, однако, осталось невозмутимым. Он выдержал небольшую паузу, и произнес спокойным, но очень твердым голосом:

– Твой отец желает видеть тебя.

Юноша только открыл рот, чтобы возразить, но Горвенал прервал его, не дав произнести и слова:

– Немедленно, Тристан, – сказал он тоном, не допускающим возражений.

Тристан буравил своего наставника взглядом, ладони сжимались в кулаки в бессильной ярости, дыхание со свистом вырывалось из ноздрей. Разогретые бегом мышцы остывали, становилось холодно. Приказ отца есть приказ отца. Ему придется подчиниться. Опять.

Тристан смачно плюнул себе под ноги и быстро пересек поляну. Горвенал привел с собой еще одну лошадь – резвую молодую кобылу, быструю, как ветер. Юноша небрежным рывком выхватил у него поводья и, резко вскочив в седло, тут же выслал лошадь в галоп в направлении замка. Бывалый воин лишь ухмыльнулся и направил своего коня следом.

II

Замок Тинтагель, твердыня дома Лионессе, расположенный на высоком холме, величественно нависал над окрестностями, словно немое грозное напоминание жителям этих мест о том, кто был их господином.

Дойдя до двери покоев, юноша жестом отпустил слугу. Грядущий разговор не предвещал ничего хорошего, но выбора не было. Задержавшись на секунду у входа, он медленно вздохнул и шагнул вперед.

Личные покои хозяина замка были просторны, но обставлены довольно скромно, – кровать, пара сундуков, стол и стулья. Лорд Тинтагеля не стремился к роскоши в повседневной жизни. Сейчас он стоял возле большого очага и, сложив за спиной свои руки, покрытые плотной вязью татуировок, задумчиво глядел в танцующие языки пламени. Тристан остановился на входе и негромко произнес:

– Ты звал меня, отец?

Король Марк из дома Лионессе, хозяин замка Тинтагель и правитель Корнуолла, обернулся на его слова. Он был уже не молод, и годы не пощадил его – волосы, некогда насыщенного темно-орехового цвета, теперь отливали бледным серебром. Глубокие морщины избородили его мужественное волевое лицо. Легкая сутулость уже начала клонить его к земле. И тем не менее, никто не посмел бы назвать его немощным – широкие плечи и сильные руки, пронзительный взгляд настоящего хищника – все это служило весомым предупреждением любому, кто осмелился бы бросить ему вызов. Тристан неоднократно имел шанс воочию убедиться – владыка Корнуолла все еще силен и опасен в бою.

– А, явился наконец, – небрежно бросил Марк. – Садись.

Юноша повиновался. Всю дорогу до замка Тристан отчаянно старался угадать, зачем он так срочно понадобился отцу. Неужто это из-за позавчерашней гулянки? Он всего-то взял пару отцовских наложниц и бочонок-другой вина. Вообще-то, у Тристана были собственные наложницы, но он никогда не видел принципиальной разницы, а вот отец почему-то был крайне щепетилен в этом вопросе.

В любом случае, он не считал себя виноватым. С самого детства отец держал его в родовых владениях, словно в плену. Юному наследнику разрешалось свободно перемещаться по территории королевства, но вот выезжать за ее пределы было строго-настрого запрещено до совершеннолетия. Этот момент должен был вот-вот настать, и Тристан уже сладостно предвкушал, как он вырвется из своей темницы и устремиться навстречу новому, неизведанному миру. А до тех пор только и оставалось, что пить, охотиться и веселиться с юными красавицами, благо ни одна девушка в Корнуолле не посмела бы отказать сыну своего короля. Сейчас ему придется выслушать еще одну нотацию о его неподобающем образе жизни (как будто в этой глуши было еще чем заняться), покорно согласиться, и круг начнется заново.

Король медленно пересек комнату туда-обратно, и, взглянув на своего отпрыска, произнес:

– Ты отправляешься в Камелот.

У Тристана перехватило дыхание. Сказать, что он был поражен, значило ничего не сказать. Направляясь к отцу, он был готов услышать что угодно, но только не это. Юноша приподнялся в кресле и уставился на родителя, как замороженный. Отец не обратил на это внимания и продолжил все тем же спокойным, властным голосом:

– Скоро ты достигнешь возраста, в котором мальчик становится мужчиной. А значит, по нашим обычаям, как юноша из благородного Дома, ты должен быть посвящен в рыцари, хотя, видят духи, ты к этому не готов. Однако, кто я такой, чтобы нарушать традиции?

– Ты отправишься в Камелот, – повторил Марк, – и предстанешь перед королевским Советом. Он, согласно обычаю, назначит тебе испытание, и, если ты с честью выдержишь его, то станешь в глазах всех Домов взрослым мужем и сможешь именовать себя Рыцарем Кровавой Розы, воином из дома Лионессе.

Тристан все еще не верил своим ушам. Неужели все это происходит на самом деле? Неужели то, ради чего он был рожден, то, чего он ждал столько лет, наконец случится? Испытание, о котором говорил отец, было традиционным обрядом посвящения, после которого мальчик мог считаться воином, а значит, взрослым, полноправным мужчиной. Этот обычай уходил корнями в глубокую древность и был продиктован необходимостью. Остров Альбион, на котором располагалось королевство Логрия, был опасным и враждебным местом, кишашим чудовищами и темной магией. Здесь на каждом шагу человека могла подстеречь гибель. Поэтому юные отпрыски благородных семей должны были доказывать свою силу, выносливость и сноровку. Лишь сильные имели право жить в этом суровом мире – для слабых здесь места не было.

Это, однако, не слишком беспокоило Тристана – уже на протяжении многих поколений посвящение считалось скорее формальностью, данью традиции. Объединенные силы Домов достаточно успешно защищали границы страны, так что необходимость в суровых испытаниях для юных дворян отпала. Скорее всего, ему поручат выполнить какое-нибудь несложное, чисто символическое задание – и это все, что отделяло его от заветного звания рыцаря. Волноваться не о чем. Тристан уже вовсю смаковал эту мысль, представляя церемонию своего посвящения – роскошные залы королевского дворца в Камелоте, лорды и леди всех благородных Домов, отблески огней на начищенных доспехах, роскошные наряды, и в центре всего этого – он, наследник дома Лионессе, все взгляды устремлены на него... От торжественности и близости этого момента просто захватывало дух!...

– Тристан! – голос короля выдернул его из мира грез и вернул к реальности. – Ты слушаешь меня?

– Да, отец... – проговорил он немного рассеянно. – Прости, я...

– Надеюсь, ты понимаешь, насколько это ответственный момент? – продолжил Марк. – Ты же не опозоришь род Кёрна перед всем Камелотом?

Тристан недовольно нахмурил брови. Кёрн, о котором говорил отец, был родоначальником их дома, их Патриархом. Когда-то, множество лун назад, когда люди просто бродили под звездами и не знали секрета стали, остров населял загадочный волшебный народ – Ши. Они, хоть внешне и походили на людей, не имели с ними ничего общего. Будучи древним народом, возможно, столь же древним, как само время, Ши владели могущественным колдовством, и черпали силу из окружающей природы – лесов, холмов и рек. Много столетий Ши воевали с фоморами – ужасными демонами, пришедшими из глубин моря. Никто не мог взять верх, и тогда Ши обратили свой взор на людей – примитивных созданий, с их точки зрения, должно быть, не сильно отличавшихся от животных, но почитавших древний народ, как богов. Известно, что послужило тому причиной – может, Ши и правда разглядели в людях скрытый потенциал, а может, просто сочли их новой забавной игрушкой. Так или иначе, они стали обучать азам своей магии наиболее одаренных людей, но некоторые из них в своем любопытстве зашли еще дальше...

Одним из этих «некоторых» был и Кёрн Охотник, далекий предок Тристана, предводитель наводящего ужас сонма духов, известного как Дикая Охота. Так у Ши и людей появилось общее потомство – легендарные полукровки, будущие основатели благородных домов Логрии. Но однажды Ши просто... исчезли. Никто точно не знал, что с ними произошло – одни легенды говорили, что Ши разочаровались в этом мире и вернулись в свой родной, из которого когда-то пришли, другие – что их уничтожила какая-то ужасная болезнь, третьи – что они вовсе никуда не уходили, а лишь затаились на время в недоступных убежищах. Как бы то ни было, могучие покровители исчезли, и люди остались один на один с фоморами. Не в силах в оди-

ночку противостоять столь могущественному врагу, человечество попало в рабство к морским демонам на долгие-долгие годы. Тяжким было это ярмо, но тут на арене истории появились полукровки – наполовину люди, наполовину Ши, до того скрывавшиеся от мира. Они сумели объединить разрозненные кланы и поднять их на борьбу с общим врагом. Люди сокрушили цитадели фоморов на побережье, а самих их загнали обратно в пучину моря, из которой те когда-то явились. Новые вожди разделили земли острова между собой, основав каждый свою династию правителей. Так началась новая эра – эра благородных домов Логрии.

Эту легенду Тристан, как и любой представитель аристократии, прекрасно знал с детства. Изучение истории острова – еще один пункт скудного списка развлечений, которыми наследник Лионессе мог разнообразить свой досуг.

– Я не подведу тебя, отец – проговорил Тристан, стараясь вложить в голос как можно больше смирения.

Марк смерил его оценивающим взглядом, судя по которому, получилось не очень.

Лорд Тинтагеля неторопливо прошелся по комнате и медленно опустился в кресло напротив сына. Тристан уже начал снова погружаться в грезы о предстоящем торжестве, когда отец произнес:

– Прежде, чем ты уедешь, ты должен знать кое-что, – он выдержал небольшую паузу, словно сомневаясь, продолжать или нет, но затем все же сказал: – Пендрагон больше не правит Камелотом.

Юноша уставился на него непонимающим взглядом. До сих пор Тристан был уверен, что удивить его так сильно два раза подряд невозможно, но отцу это удалось. Как, впрочем, и многое другое. Пендрагон был Верховным королем Логрии, основателем Камелота, и сюзереном всех благородных Домов. Когда-то, еще до рождения Тристана, Логрия не была единым королевством – земли каждого Дома представляли собой независимые королевства, постоянно соперничавшие между собой. Однако, аристократы Альбиона не всегда решали свои разногласия только силой оружия, и тогда начиналась политика. Для этих целей служила Пляска Гигантов – древний круг священных камней, мощнейшее место силы. Он располагался в стране Мид, нейтральной территории в самом центре Логрии, и был священным местом, пролить кровь в котором означало навлечь на себя гнев высших сил. Мид принадлежал дому Эллиллон, народу бардов и сказителей, хранителям законов и традиций, которые держались в стороне от политики и выступали в роли арбитров и судей. Согласно обычаю, раз в год, в канун великого праздника Билльтейн представители всех Домов съезжались туда, что разрешить накопившиеся за год вопросы. Здесь объявляли войну, заключали мир и вершили правосудие.

И вот однажды на совет явился Пендрагон – могучий воин высотой почти в два человеческих роста. Никто не знал, кто он такой и откуда пришел. Он просто встал на середину круга и объявил, что отныне он является Верховным королем всей Логрии, а благородные Дома обязаны служить ему. Присутствовавшие лорды и леди, разумеется, с этим не согласились. Первыми вперед вышли король Бан дю Лак, правитель Арморики, и король Леодегранс Ир Гвилл, властелин Камелиарда. Два надменных правителя, чья гордыня стала легендой даже среди аристократии, давно соперничали друг с другом за право объединить под своей властью все Дома и уж точно не стали бы терпеть таких заявлений от какого-то выскочки, пусть своим видом он и походил на великана. Первому Пендрагон раздавил руками голову, словно спелый плод, а второго просто разможил об камень. Расправиться с потомками Ши было под силу далеко не каждому, и жуткое зрелище парализовало собравшихся на несколько бесконечных мгновений. А затем началась битва – все без исключения дворяне, съехавшиеся в тот день к древнему мегалиту, ринулись на самозванца с твердым намерением разорвать его на куски, кем бы он ни был. Лучшие воины Альбиона безжалостно разили его мечами, кололи копьями и пронзали стрелами. За их спинами те, кто не преуспел в искусстве боя, но постиг тайные знания и ритуалы, творили свои заклятья. Но очень скоро они, к своему немалому удивлению,

обнаружили, что все усилия тщетны – даже самые страшные раны на теле незнакомца по воле какой-то неведомой силы затягивались, едва успев появиться. А вот благородные лорды таким даром похвастаться не могли. Тогда Пендрагон ответил, и битва превратилась в резню. Много знатных мужей и жен расстались с жизнью в тот день, и ни один благородный Дом не избежал утраты. Когда стало очевидно, что если бойню не остановить, то погибнут все, мудрый Талиесин, глава дома Эллиллон и основной распорядитель важнейших церемоний, убедил остальных сложить оружие. Но Пендрагон отнюдь не собирался истреблять всех дворян Логрии – напротив, те были нужны ему.

Когда сопротивление прекратилось, непобедимый воин вновь вышел в центр круга и повторил свои требования. Теперь уже никто не отважился перечить ему. Властолюбивые и гордые аристократы, которые годами грызли друг другу глотки за малейший кусочек власти и могущества, вынуждены были покориться воле завоевателя. Дабы укрепить и хотя бы формально узаконить свою власть, Пендрагон вступил в ритуальный брак с Гвиневрой, дочерью короля Леодегранса. Ее род происходил от Ллуда Серебрянной Руки, именовавшего себя королем Ши (во всяком случае, так утверждали сами члены дома Ир Гвилл), так что она как нельзя лучше подходила на роль королевы. Трудно представить, что кто-то мог ненавидеть узурпатора сильнее ее, но, как и у всех прочих, у нее не было никакого выбора.

Пендрагон также объявил, что новому королевству нужна новая столица, и велел дворянам начать возведение могучей крепости на землях Мида, ставшей основой нового, невиданных размеров города. Причем, дабы еще больше сломить дух спесивых аристократов, он заставил их лично участвовать в работах – короли и королевы, лорды и рыцари таскали песок, обтесывали каменные блоки и поднимали гигантские глыбы на высоту стен наравне с простыми рабочими. Это неслыханное унижение еще больше распалило ненависть к завоевателю, но оно же еще раз показало тщетность попыток к сопротивлению. Новый город получил название Камелот, и его грозные стены и башни стали застывшим в камне воплощением власти Пендрагона, а также суровым предостережением всем тем, кто осмелится бросить ему вызов.

Новейшая история Логрии тоже не была для Тристана тайной. Однако, кое-чего он, похоже, все-таки не знал. Вряд ли Пендрагон отказался от власти добровольно. А это значит, что кто-то все же сумел одолеть его. Но как это возможно?

– Кто же сумел победить это чудовище? – спросил Тристан.

– Ланселот, – ответил Марк. – Это он нашел способ. Каждый из нас многое потерял в тот роковой Билльтейн, – голос короля едва заметно дрогнул на этих словах, но Тристан уловил это, – и все мы горели желанием отомстить, но его ненависть оказалась самой сильной.

– Но как?

– Этот монстр казался почти неуязвимым – любая нанесенная рана, смертельная даже для потомков Ши, заживала на нем прямо на глазах. И все же ей требовалось немного времени, чтобы зажить. Этого оказалось достаточно. В назначенный день мы все явились в зал Совета – узурпатор собирался огласить свой новый указ. По сигналу мы накинулись на него – целью было повалить его на землю. Это оказалось не так-то просто – один из сыновей короля Пеллинора расстался с жизнью в этом бою, а с ним еще с полдюжины младших сыновей и кузенов из других Домов, чьих имен я не помню. Но, когда нам все же удалось опрокинуть его, Ланселот взобрался ему на грудь, вонзил меч прямо в его сердце и оставил там.

Как мы и надеялись, без сердца даже это чудовище не могло жить. А поскольку клинок оставался в нем, это не давало сердцу восстановиться. Строго говоря, мы не убили его, а, скорее, заключили между жизнью и смертью, но нас и это вполне устраивало. Ланселоту, правда, пришлось пожертвовать Экскалибуром, своим фамильным мечом, ибо только он оказался в состоянии проделать достаточно глубокую рану, но, на мой взгляд, это небольшая цена за такую победу.

Марк слегка усмехнулся на последних словах. Было видно, что потеря, нанесенная чужому Дому, радовала его. Воцарилось недолгое молчание. Слышался лишь легкий треск поленьев в очаге да вой ветра за окном. Правитель Корнуолла сидел молча и, нахмурившись, буравил сына взглядом своих темно-желтых глаз. Ох, этот взгляд, с которым хищник смотрит на добычу. Тристан так и не научился выдерживать его.

– Я жалею лишь об одном, – продолжил король после паузы, – что это не я пронзил его поганое сердце. Впрочем, каждый из нас желал бы этого.

– Так... кто же теперь правит королевством? – спросил Тристан.

– Те, кто и должен, – ответил отец. – Мы, главы благородных Домов. Совет теперь заседает в Камелоте, и, как и прежде, мы вершим судьбы этой земли. Пришлось, правда, придумать что-то для черни. Узурпатор показал им, что мы уязвимы, и они перестали бояться и уважать нас, как подобает. Но эту проблему взяла на себя леди Гвиневра – она объявила народу, что Пендрагон решил уйти на покой для обдумывания дальнейшей судьбы королевства, и разрешил лишь ей общаться с ним. Теперь она будет глашатаем своего «супруга», и через нее он будет говорить с подданными.

Отец слегка хмыкнул и снова замолчал. Любопытство разъедало Тристана, но он благо- разумно решил покорно ждать, когда Марк продолжит.

– Имей это в виду, – уже своим обычным, спокойно-властным тоном произнес король. – Тайна не должна быть раскрыта. Если чернь узнает правду, они восстанут против нас, и начнется резня. От сохранности этого секрета зависит судьба благородных Домов и всей Логрии.

– Я не подведу тебя, отец! – гордо произнес Тристан, но внутри ощутил укол обиды – неужели Марк думает, будто его наследник способен на такую глупость?

Король опять смерил сына своим пронзительным взглядом.

– Увидим.

Владыка Корнуолла подошел к окну и некоторое время вглядывался в вечерние сумерки. Кто знает, что видел он в последних отблесках заката?

– На сегодня достаточно, – снова заговорил Марк. – Ступай, тебе нужно подготовиться. Ты уезжаешь через неделю.

Тристан поднялся из кресла и уже собирался было поклониться на прощание, как вдруг неприятное осознание заставило его застыть на месте.

– Погоди-ка, – медленно произнес он. – Ты что, не едешь со мной?

Отец повернулся к нему, и ответ ясно читался в его глазах.

– Мне нужно уладить кое-какие срочные дела. На границах опять неспокойно. Дикие северные племена только и видят, как воспользоваться нашей малейшей слабостью и разорить порубежные земли. Ситуация требует моего личного присутствия. С тобой отправится Горвенал.

Тристан не мог поверить своим ушам.

– Но это... это же самый важный момент в моей жизни! Как ты можешь?... – начал было юноша, но выражение отцовского лица ясно говорило о том, что разговор окончен.

– Я приеду в Камелот на твое посвящение, если ты справишься, – таков был его ответ.

Смысла в дальнейшей дискуссии не было. Тристан выпрямился и надел на себя маску холодной учтивости, хотя с трудом мог сдерживать горький комок обиды, разраставшийся внутри. Король продолжал смотреть в окно.

– *Когда* я вернусь, будь добр, встретить меня, как подобает отцу встречать сына, – сказал он полным напускной вежливости тоном, и с этими словами развернулся и зашагал к выходу.

– Зависит от того, как именно ты вернешься, – произнес Марк, не поворачиваясь.

Тристан остановился на этих словах, и, бросив на отца короткий взгляд через плечо, вышел из его покоев.

III

Он сидел на парапете невысокой каменной стены, и, свесив одну ногу вниз, перебирал струны своей любимой арфы, глядя в ночное небо. Невеселые мысли темной тучей клубились над ним. Через несколько дней должен был настать момент, которого он ждал всю свою жизнь, но Тристан из дома Лионессе не ощущал никакой радости по этому поводу.

Отец очень сильно расстроил его, когда сообщил, что не поедет с ним. Его единственный сын и наследник впервые предстанет перед высшим светом, а у него нашлись более важные дела. Как же! Тристан прекрасно знал, как назывались эти дела. Речь шла не о мелких стычках на границе – с этим вполне мог справиться один из доверенных отцовских полководцев. Нет, тут было другое...

Когда-то, задолго до рождения Тристана, у короля Марка были еще двое сыновей – Андред и Мелиод. Оба они погибли от руки Пендрагона в тот роковой день, когда судьба всей Логрии изменилась. Говорят, отец был без ума от горя – уже тогда он был немолод, и так внезапно остался без наследников. Род Лионессе рисковал прерваться на нем. И вот, через несколько лет, судьба подарила ему еще одного ребенка – и, о чудо, это был мальчик! Казалось бы, от печалей старика не должно было и следа остаться, но все было не так просто. Говорят, отец невероятно сильно любил старших детей, ведь оба они полностью воплотили его ожидания – были сильными, бесстрашными, волевыми, умелыми воинами, словом, стали бы воплощением могущества их Дома и достойными наследниками отца. Владыка Корнуолла так и не смог пережить их гибель, и это сыграло с Тристаном злую шутку. Для Марка он стал козлом отпущения, бледной тенью того, кем были когда-то его старшие братья. Всю свою жизнь Тристан из кожи вон лез, чтобы заслужить расположение отца, но тот воспринимал все его успехи, как должные, зато никогда не упускал возможности отчитать по полной за самые мелкие промахи. В довершение всего, мать Тристана, любимая жена Марка, умерла, давая ему жизнь, и вину за это отец также возложил на юношу. Все вместе это оставляло лишь самые призрачные надежды на то, что когда-нибудь Марк его по-настоящему полюбит.

Тристан опустил взгляд с ночных небес и перевёл взгляд с ночного неба вниз, туда, где под стенами Тинтагеля, затерянная среди густого леса, скрывалась Тропа Охотника – священное место дома Лионессе и одновременно полоса препятствий, где члены рода могли тренироваться и оттачивать свои навыки. Также это место служило им последним пристанищем – потомки Кёрна не возводили своим усопшим помпезных гробниц с резными надгробиями. Тела предавались священному огню, а на месте погребального костра ставили личный тотем, чтобы дух умершего родича мог следить за делами своих собратьев из Иного мира и общаться с ними при необходимости. Где-то на этой Тропе стояли и тотемы Андреда с Мелиодом. Отец часто приходил туда и подолгу стоял возле них в одиночестве. Как несправедливо! Тристан никогда не видел этих двоих, но, даже будучи давно мертвы, они все равно умудрялись портить ему жизнь.

«Неужели так будет всегда?»

Он закрыл глаза и неторопливо пробежался по струнам, извлекая в ночь красивую и немного печальную мелодию. Тристан впервые взял в руки арфу еще совсем ребенком и сразу же влюбился в этот инструмент. С тех пор он многие часы проводил в своих покоях, день и ночь оттачивая свое мастерство, и теперь мог не без гордости сказать, что овладел ею практически виртуозно. Игра на арфе всегда успокаивала и отвлекала его, так что он посвящал ей все время... все время, свободное от бесконечных тренировок и боевых упражнений. Тристан практиковался без усталости и весьма неплохо владел мечом и копьем, превосходно стрелял из лука, а при необходимости мог одолеть противника и голыми руками. И, разумеется, как и все потомки Кёрна, он был отличным охотником, выносливым, хитрым и безжалостным. Он

мог выследить добычу на любой местности и в любую погоду. Но отцу всего было мало. И он, разумеется, не одобрял занятия сына музыкой, ибо считал их пустой тратой времени. Тут они тоже не могли прийти к согласию.

Тристан окинул взглядом место, в котором находился – небольшой кусочек земли, огороженный с трех сторон невысокой каменной стеной, а с четвертой – главной башней. Это был Сад Крови, святая святых замка Тинтагель. Лишь членам правящего Дома разрешалось заходить сюда – любого чужака, проникшего в сад, ждала страшная смерть. Тристан ухмыльнулся. Он бегал здесь еще мальчишкой, поэтому для него окружающий пейзаж был привычным и даже немного обыденным. Но того, кто попал бы сюда впервые, это место наверняка повергло бы в ужас. Дело в том, что в Саду Крови росли не обычные цветы. Лужайки и клумбы вдоль небольших тропинок были усажены розами самых разных сортов, но всех их объединяло одно – с прекрасных лепестков на землю капала настоящая кровь. Согласно легенде, этот обычай брал свое начало от Арауна, сына Кёрна Охотника и основателя дома Лионессе. Он построил на вершине этого холма усадьбу, позже превратившуюся в замок Тинтагель, а во дворе разбил сад. В этом саду он велел высадить белые розы, а землю удобрять кровью своих поверженных врагов, дабы другие хорошенько задумались, прежде чем идти против него. Древняя магия Ши завершила дело, и цветки, впитывая зловещую подкормку, меняли свой цвет от ярко-алого до темно-бордового и, все без исключения, распустившись, начинали кровоточить. Королева цветов, истекающая алыми слезами... Кровавая Роза Лионессе.

С тех пор потомки Арауна безукоризненно следовали этому обычаю. Он приобрел настолько широкую известность, что Кровавая Роза из сада Тинтагеля перекочевала на его знамена, превратившись в герб дома Лионессе. Часто его так и называли – дом Кровавой Розы. Тристан отложил арфу. На нем была легкая распашная туника, и в бледном свете луны он стал рассматривать узоры на своем теле. Обычай делать ритуальные татуировки был присущ всем благородным Домам и также уходил вглубь веков. Все дворяне Логрии украшали себя рисунками с символикой своих Домов, и Тристан не был исключением. Ворох осенних листьев начинался на верхней части его левой руки и, кружась через бок и спину, спускался на правую ногу. Небольшой дух, спутник Охотника, расположился среди листвы между его лопаток. Правое предплечье было объято пламенем, из которого проступали очертания клинка. Лук и колчан со стрелами были припасены на левом бедре, ловец снов охранял юношу с правого плеча, а накачанный живот украшала голова воина с оленьими рогами. Но вот левая половина груди, напротив сердца, выделялась из общей картины, словно недостающий кусок мозаики. Все члены благородных Домов могли делать себе татуировки с символикой дома, но вот выбить на себе родовой герб имели право лишь те, кто прошел посвящение и доказал, что достоин своих предков. Тристан слегка погладил кожу на этом месте – гладкую, девственно-чистую. Ну, ничего. Очень скоро здесь распустит свои лепестки Кровавая Роза Лионессе.

Тристан улыбнулся своим мыслям, и, снова взяв в руки арфу, стал наигрывать новую мелодию, более динамичную и агрессивную. Отец не верит в него. Никто в него не верит. Неважно. Для лордов и леди, перед которыми он предстанет в Камелоте, он будет мальчишкой, не знающим жизни и впервые попавшим в высший свет. Они не воспринимают его всерьез. Тем лучше. Он покажет им всем, кто он и на что способен. Очень скоро вся Логрия, да что там, весь Альбион услышит имя Тристана из дома Лионессе!

IV

Он застыл в изумлении, и, задрвав голову, смотрел на раскинувшуюся перед ним картину, не в силах отвести взгляд.

Говорят, когда-то, задолго до основания Логрии, ландшафт Альбиона был совершенно иным. Но все изменилось с приходом полукровок – основателей благородных Домов. Каждый из них взял свой кусок острова во владение, и под воздействием каких-то необъяснимых сил земля стала преобразовываться, менять свой облик, так, словно подстраивалась под своих новых хозяев. Никто не знал точно, почему это происходит. Видимо, древняя магия Ши, передававшаяся полукровкам вместе с кровью их божественных предков, давала о себе знать. Так каждое владение приобрело свои неповторимые черты. Сила дома Лионессе произрастала из Дикой Охоты, связи с миром духов и великим праздником Самайн, поэтому леса их страны перекрасились в золото и багрянец, и вечная осень обрела безраздельную власть над этой землей. И лишь глубокой зимой, в самые холодные месяцы, когда вся природа острова умирала, чтобы заново возродиться в новом году, деревья по всему Корнуоллу сбрасывали свое красное-золотое покрывало и замирали черными, безжизненными силуэтами под гнетом сурового мороза. Говорят, что зима – единственное время, когда все части острова выглядят примерно одинаково. Зима, как и смерть, которой она служила, была ко всем одинаково беспощадна.

Перейдя границу Корнуолла, они очутились в Миде – «Срединном королевстве», на земле которого располагался Камелот. Здешняя природа, судя по рассказам, претерпела меньшие изменения, чем в других королевствах, но для Тристана, никогда раньше не покидавшего родных краев, и это стало настоящим открытием. Здесь все было иначе – широкие равнины, перемежавшиеся плавными изгибами холмов, укрывались ровным изумрудным одеялом. Зеленые, цветущие леса Мида росли не так плотно, как густые красно-золотые чащи его родины. Полные причудливых папоротников и лишайников, они выглядели диковинно и непривычно. А ночами десятки блуждающих огоньков¹ и других мелких духов собирались в гуще деревьев и, светясь и переливаясь, точно вереница маленьких фонариков, наполняли лес волшебным сиянием. Все это произвело на юношу огромное впечатление. Теперь он не мог дожидаться возможности побывать в землях других Домов. Но то, что он лицезрел перед собой сейчас, полностью затмевало увиденное ранее.

Перед ним раскинулся величественный Камелот, столица Логрии. Еще завидев город издалека и узрев его размеры, Тристан не поверил своим глазам. Но только сейчас, приблизившись вплотную, он смог в полной мере ощутить мощь и величие этой крепости. Огромная надвратная башня, сложенная из хорошо обтесанных каменных блоков, вздымалась вверх на высоту не менее шестидесяти футов. Грозные стены, оскалившиеся узкими бойницами, были ровными и гладкими, что весьма затрудняло задачу потенциальным лазутчикам и шпионам. На всем их протяжении были видны прогуливающиеся туда-сюда стражники. Тристан был просто поражен. Его родной Тинтагель тоже был каменным замком, но он не шел ни в какое сравнение с этим гигантом. К тому же, в силу своего расположения на вершине небольшого холма, фамильная крепость дома Лионессе обладала другой архитектурой – ее стены были тоньше, а башни – выше и *уже*, более легкие, устремленные ввысь. Камелот же, располагавшийся на равнине, напротив, был приземистым и грузным. Стены намного толще, а башни – шире и основательнее. А ведь это лишь внешние укрепления! Там, за ними, расположился

¹ Блуждающие огоньки – в мифологии многих народов мира неперсонифицированные низшие духи, часто встречающиеся в лесах, на полях и болотах. Обычно имеют форму крошечного шарика света, парящего в воздухе, подобно светлячку. Могут как помогать людям (выводить из чащи, указывать дорогу к кладу), так и вредить (заводить в топь, логово чудовища и т.д.).

большой, шумный город, а в самом центре его – королевский дворец, место, откуда вершилась судьба всей Логрии.

Тристан все еще не мог оторвать глаз от массивной твердыни. Теперь он понял, почему все жители королевства, от мала до велика, от знатного до простолюдина, так боялись Пендрагона – вид Камелота буквально поражал своей монументальностью, внушая трепет и уважение. От созерцания его отвлек Горвенал. Поравнявшись с юношей во главе колонны, он тактично кашлянул, и только тогда Тристан заметил, что вся его свита в напряженном молчании столпилась возле ворот, ожидая приказа. Он кивнул, и, слегка выдав лошади шенкеля, направил ее вперед. Его люди двинулись следом за своим предводителем.

Миновав бедняцкие предместья с их крытыми соломой глинобитными лачугами, полуземлянками и жмущимися к ним загонами для скота, они подъехали к городу со стороны главных, западных ворот. Стоял обычный день, да и времена были довольно спокойные, поэтому створки врат были гостеприимно распахнуты, позволяя гостям и жителям Камелота беспрепятственно входить и выходить из города. Едва они оказались по ту сторону стены, Горвенал, одетый в ливрею с изображением Кровавой Розы, выехал вперед и громогласно заявил:

– Дорогу Тристану из дома Лионессе, сыну и наследнику короля Марка Корнуольского! Расступитесь!

Немногочисленные горожане, оказавшиеся на их пути, прижались к невысоким постройкам, и вся процессия, выстроившись позади Тристана, двинулась по городу. Они ехали неспешно, торжественно. Двое знаменосцев высоко держали геральдические штандарты своего господина – так, чтобы те, рея на ветру, возвещали всему Камелоту о прибытии наследника дома Кёрна. Немного впереди ехал Горвенал, своим трубным гласом расчищая им путь: «Дорогу! Расступитесь!». Тристан держался так важно, как только мог. Внутри его просто распирало – как, должно быть, он величественно выглядит сейчас, сидя на великолепном коне, окруженный пестрой свитой, гордо шествующий навстречу своей судьбе. Но отец учил его, что аристократ, наделенный истинным достоинством, не должен постоянно подчеркивать свое превосходство, стоит проявлять и великодушие. Поэтому Тристан время от времени старался, насколько мог, приветливо кивать встречным крестьянам, охотникам и ремесленникам, хоть и не мог отделаться от чувства величайшего пренебрежения, видя их перепачканную одежду и чумазные лица.

Но очень скоро наследник Корнуолла заметил, что его широкий жест не находит должного отклика среди жителей. Большинство из них, едва завидев процессию или услышав голос герольда, не склоняли головы в почтительном поклоне, как он того ожидал, а, испуганно глядя на незнакомцев, старательно отводили глаза или вовсе поворачивались спиной. Матери хватили детей и прятались за стенами своих приземистых хижин. Тристан был возмущен до глубины души! Он пустил коня рысью и нагнал Горвенала.

– Они совсем не выказывают мне почтения! – дрожащим от негодования голосом затараторил юноша, но все же не очень громко, дабы не услышала свита. – Напротив, даже демонстративно не смотрят в мою сторону! Как это понимать?

– Они видят тебя в первый раз, а черни свойственно не доверять и бояться тех, кого они не знают, – терпеливо проговорил наставник, хотя было видно, что дается это с трудом – капризы маленького лорденыша успели изрядно ему поднадоесть. – К тому же, наш Дом сейчас не обладает большим влиянием в столице. Не принимай близко к сердцу.

– Близо к сердцу? – еще больше взъярился Тристан, едва не сорвавшись на визг. – Это неуважение не только ко мне, но и ко всему дому Лионессе! По-твоему, я должен такое спускать с рук?

– И что ты сделаешь? Велишь повесить каждого, кто не поклонился тебе сегодня? – ехидно поинтересовался Горвенал и выслал коня вперед, дабы вернуться к своим обязанностям.

Юноша еще долго буравил его спину взглядом. Часто, слишком часто этот человек забывал свое место. Большую часть времени он изображал холодное почтение, но даже не пытался скрыть своего отношения к молодому наследнику. Горвенал презирал его, и Тристан отлично это знал. Он был представителем боковой ветви правящего Дома, дальним потомком брата одного из королей прошлого. В нем также текла кровь Ши, но ее доля была ничтожно малой, и добился своего положения он благодаря личным заслугам, а не происхождению. Еще отроком Горвенал приехал ко двору короля Марка и вскоре показал, что он одинаково хорошо управляется как с клинком, так и с людьми. Умелый воин и хороший управляющий – отец ценил оба этих качества, и потому приблизил перспективного юношу к себе. Тот не подвел и, служа своему господину верой и правдой, быстро продвигался по придворной лестнице, пока, наконец, не получил должность сенешаля – распорядителя двора и верховного управляющего, ведавшего всем хозяйством Дома.

По сути, Горвенал стал правой рукой Марка, поэтому никто не удивился, что, когда у короля родились сыновья, именно ему было поручено их воспитание. Он учил детей своего господина охотиться, сражаться и управлять их будущими владениями. А когда подрос Тристан, то сенешаль стал и его наставником. Он невзлюбил мальчика с первого дня. И с тех пор наследник гадал – было ли это личной неприязнью или он просто выслуживался перед отцом? Горвенал был обязан королю Марку всем, что имел, а потому поддерживал своего хозяина, даже когда его не просили. С него сталось бы вести себя так с Тристаном просто из желания угодить господину.

Как бы то ни было, юношу это не сильно беспокоило. Кем бы там ни возомнил себя этот выскочка, он был всего лишь слугой, цепным псом на службе у своего повелителя, не более. Даже невзирая на дальнейшее родство с правящей династией, он не имел никакого права так обращаться с наследником хозяина, своим будущим королем. Мысленно Тристан пообещал себе, что непременно разберется с этим вопросом и проучит наглеца, но позже. Сегодня знаменательный день – он впервые приехал в столицу и скоро предстанет перед всем цветом знати, и ему не хотелось портить такое событие даже размышлениями о подобных мелочах.

Меж тем они миновали бедные кварталы, расположенные у городских стен, что не могло не порадовать Тристана. Сейчас процессия въехала в центральный район Камелота, где жили более обеспеченные горожане – торговцы, умелые ремесленники и те, кто служил при королевском дворе. Дома здесь были выше и просторнее, сделаны из хорошего дерева и нередко имели больше одного этажа. Попадались даже каменные постройки. Улицы выглядели значительно чище и кое-где были вымощены булыжником. Находиться здесь было намного приятнее, и настроение у наследника сразу поднялось. Процессия повернула на очередную улицу, дома расступились, и тут ему открылся дивный вид – с высокого холма вдалеке на него взирал королевский дворец. Огромная крепость, как могучий великан, грозно возвышалась над городом. Ее внушительные стены и башни были одаой могуществу своего создателя – никогда прежде на Альбионе руками человека не воздвигалось ничего подобного. Даже величайшие кромлехи и менгиры², разбросанные по острову, меркли по сравнению с этим монументом. На вершинах башен гордо реяли на ветру флаги с красным драконом – гербом Пендрагона. От вида дворца поистине захватывало дух. А где-то там, в глубине замка, располагался легендарный зал Совета, сердце Камелота, где заседал совет благородных Домов и вершилась судьба королевства. И уже сегодня, совсем скоро, он окажется там, в самой гуще придворной жизни, где ведется большая политика и принимаются важнейшие решения. Он будет представлен всем прочим Домам как сын и наследник своего отца, и уж тогда никто не посмеет относиться к нему

² Менгир – мегалит, представляющий собой большой необработанный камень, поставленный вертикально, т.е. примитивный обелиск. Менгиры известны в культуре многих народов начиная с каменного века. Точное назначение неизвестно, предположительно, использовались в ритуальных целях. Кромлех – сооружение из нескольких (иногда до сотни) менгиров, как правило, образующих окружность или полуокружность. Часто в центре кромлеха располагалось святилище или гробница.

несерьезно. Быть может даже, с ним, как с единственным представителем Корнуолла в столице, решат посоветоваться в каком-нибудь важном политическом вопросе? Почему нет, вполне возможно! Разумеется, он не ударит в грязь лицом, продемонстрирует все свое достоинство и воспитание и непременно произведет неизгладимое впечатление на благородных лордов. Они все будут им восхищаться, иначе и быть не может! И тогда отец вынужден будет признать, что был несправедливо строг к своему отпрыску. Да, так все и случится!

От сладостного чувства предвкушения просто перехватывало дыхание. Ему захотелось прямо сейчас пустить коня в галоп и помчаться туда, в этот волшебный замок! Наплевав на этикет, на свиту, на все на свете понестись навстречу новой, прекрасной жизни – туда, где с ним будут считаться, уважать и воспринимать, как равного. Вперед, навстречу судьбе!..

Мысли о предстоящем триумфе унесли его далеко от действительности, но полученные от предков и отточенные годами тренировок рефлексy работали безотказно и не дали случиться непоправимому. Краем глаза он уловил впереди движение, а мгновением позже понял, что и правда летит по улице легким галопом. Тристан что было сил рванул поводья на себя, и конь резко затормозил, прочертив копытами в земле глубокие борозды. От испуга и неожиданности животное встало на дыбы, да так резко, что юноша чудом удержался в седле. Кое-как успокоив скакуна и уняв бешеный стук своего сердца, он смог, наконец, осмотреться, дабы понять, что произошло. Туча пыли, поднятая конем, потихоньку улеглась, и прямо перед собой он увидел человека, на которого чуть не налетел.

Это был крепкий, отлично сложенный мужчина средних лет, гордо восседающий на великолепном белом жеребце. Его лицо, словно выточенное из камня искусным скульптором, имело невероятно правильные черты – высокий лоб, четко очерченные скулы, прямой нос и волевой подбородок. Роскошные золотистые волосы были аккуратно уложены назад и струились по плечам, словно отрезy шелка, а его мощная грудь, мускулистые руки и идеальная осанка подсказывали, что меч на его поясе висел явно не для фасона. Прекрасное легкое одеяние свободного покроя лишь подчеркивало лучшие качества своего обладателя. Мужчина держался в седле так, словно родился в нем, и взирал на окружающий мир сверху вниз. Тристан невольно залюбовался – красота этого человека отдавала чем-то неземным, потусторонним, словно он явился из Иного мира. Всем своим естеством незнакомец буквально излучал величие и власть.

Но волшебство разрушилось в мгновение ока, когда мужчина повернул голову и посмотрел на юношу. Его лицо выглядело застывшим, словно маска, и не выражало никаких эмоций, а вот взгляд... во взгляде бледно-голубых глаз читалось плохо скрываемое раздражение вперемешку с величайшим презрением. Тристана словно окатили ушатом ледяной воды, он почувствовал, что ему хочется съежиться и забиться в какую-нибудь глубокую нору или яму, неважно куда, главное – подальше от взора этих двух ледяных звезд, резавших душу, словно нож. Кое-как вернув самообладание, принц Корнуолла опомнился – ведь он только что чуть не налетел на этого человека, а значит, необходимо принести извинения. Не лучший способ завести знакомство в свой первый приезд в столицу, но ничего не поделаешь. Незнакомец явно принадлежал к благородному сословию, о чем говорили его великолепный наряд, украшения и роскошная сбруя лошади, но нигде не было видно ни герба, ни эмблемы, а одежда была нейтральных цветов. Кто же этот человек, из какого он Дома и почему разъезжает по городу в одиночестве, без охраны и свиты?

Тристан все же решился заговорить:

– Доброго дня, сэръ! Я Тристан из дома Лионессе, сын короля Марка Корнуольского, только что прибыл в Камелот, чтобы предстать перед Советом и пройти посвящение в рыцари, – юноша старался говорить как можно более дружелюбным тоном, но все же держаться с достоинством, чтобы собеседник не решил, что он заискивает перед ним. – Приношу Вам свои глубочайшие извинения – я впервые в столице, и, засмотревшись на красоту королевского замка, не заметил, как выслал коня в галоп. С кем имею честь?

Человек никак не отреагировал на его слова, лишь продолжал буравить своим ледяным взглядом.

– Я весьма сожалею о произошедшем, но ведь ничего непоправимого не произошло, не так ли? Если Вы назовете мне свое имя, я непременно пришлю слуг с дарами, чтобы загладить это недоразумение.

Ответа не последовало. Тристан почувствовал, что начинает терять терпение.

– Сэр, Ваша грубость не делает Вам чести. Я извинился. Если, по-вашему, этого недостаточно, я готов обсудить условия компенсации. Но сперва – назовите себя.

И снова тишина. Это уже слишком. Да кем себя возомнил этот щеголь?

– Сэр, это начинает переходить границы разумного. Я извинился и предложил Вам подарки в доказательство моей искренности, а Вы даже не удостоите меня ответом? Еще немного, и нам придется решать этот вопрос по-другому.

Заставило ли бы это незнакомца проявить хоть немного учтивости, наследник Корнуолла так и не узнал. Сзади послышался стук копыт – легкой рысцой к ним приближался Горвенал. Едва завидев всадника на белой лошади, он застыл, как вкопанный. Лицо сенешаля побледнело, как мел, точно он призрака увидел, а по лбу скатилась тонкая струйка пота. Он стоял на месте, не смея шелохнуться. Над улицей повисла леденящая тишина, продлившаяся несколько бесконечно долгих мгновений. Золотоволосый аристократ молча смерил растерявшихся корнуольцев все тем же равнодушным взглядом и, слегка прищипорив своего великолепного скакуна, спокойным шагом направился вперед.

Тристан открыл было рот, чтобы окликнуть его, но подскочивший Горвенал выхватил у него поводья и жестом приказал замолчать.

– Ни слова! Молчи, заклинаю тебя! – прошипел он полусшепотом, а затем обратился к свите, как раз нагнавшей своих предводителей. – Все в замок! Немедленно! Никакого церемониала, быстро!

Юноша хотел возразить, но сенешаль даже не обратил на него внимания. Тристан никогда не видел своего наставника таким. На его лице обычное раздражение от неподобающего поведения воспитанника мешалось с паническим страхом. Кто же такой этот рыцарь с золотыми волосами, что закаленный вояка Горвенал трепетал перед ним, как лист на ветру?

Остаток пути они неслись галопом, наплевав на все правила и обычаи. Тристан даже не успел рассмотреть величественный дворец вблизи. Лишь перед самыми воротами распорядитель двора Лионессе велел всем построиться и перейти на шаг, так что в замок они въехали хотя бы с видимым подобием торжественности. И на том спасибо. Оказавшись во дворе, слуги принялись разгружать повозки, перетаскивать тюки с провизией, сундуки и прочий скарб. Горвенал же, отдав быстрые распоряжения, направился в конюшню. Юноша, недолго думая, спешился, и, взяв коня под уздцы, последовал за наставником, полный решимости выяснить, что происходит. Едва Тристан переступил порог стойла, на него налетел сенешаль:

– Что там произошло? Говори, немедленно! – прорычал он, схватив воспитанника за грудки.

– Ты не смеешь! Убери руки... – воскликнул юноша, не в силах избавиться от железной хватки.

– Говори! – повторил Горвенал с той же яростью, но руки все же опустил.

Тристана чуть не трясло от злости. Больше всего на свете ему сейчас хотелось всадить кинжал в шею этого мерзавца, услышать его предсмертный хрип и увидеть, как искра жизни гаснет в его глазах. Но наставником двигала не злоба, а страх. Это ясно читалось на его лице, а потому наследник дома Лионессе решил продолжить диалог. Хоть не при свите решил на него наорать, и то неплохо. Некоторое время оба молча смотрели друг на друга, а затем юноша начал:

– Ехать было крайне скучно, и когда я увидел на холме дворец, то залюбовался им. Сам не заметил, как с шага перешел на галоп и чуть не столкнулся с этим человеком.

На этих словах глаза Горвенала расширились от ужаса.

– Но я успел остановить коня, все же обошлось! – настаивал на своем Тристан.

– Что было потом?

– Ничего. Я извинился перед ним, предложил дары в знак доброй воли, как и положено. А этот грубиян, представь себе, даже не соизволил назвать свое имя, хотя я спросил его трижды!

– Ты ЧТО?! – возопил сенешаль. Впервые в своей жизни Тристан увидел, как лицо человека становится одновременно пунцовым от гнева и мертвецки бледным от страха. – Он что-нибудь сказал тебе? Он говорил с тобой?

– Ни слова, точно воды в рот набрал. Только буравил меня своими холодными глазницами, – юный аристократ невольно поежился, вспомнив встречу с золотоволосым рыцарем. – А кто он, собственно, такой? И почему ты мечешься, словно кобыла в горящем стойле? Может, объяснишь, что происходит?

Горвенал быстро прохаживался по конюшне взад-вперед, нервно теребя рукой волосы. Наконец он остановился, и быстрым взглядом окинул конюшню, дабы убедиться, что они одни. Затем он пристально поглядел на Тристана и негромко ответил:

– Человек, которому ты имел несчастье таким образом попасться на глаза – Ланселот дю Лак.

– Сэр Ланселот? – изумился наследник. – Тот самый?

– Король Ланселот, – резко поправил его наставник. – Он является здравствующим главой Озерного Дома, правителем Арморики и фаворитом Верховной королевы. А еще он – величайший воин из ныне живущих. Еще никто, ни единого раза не смог одолеть его – ни на поле боя, ни на арене. Однажды я видел собственными глазами, как он убил вооруженного человека одной рукой, даже не взглянув в его сторону. Поговаривают, что ему служат духи Иного мира. А некоторые считают, что он и сам не человек. Я же знаю одно – опаснее его нет никого на всем Альбионе. Если он посмотрел в твою сторону – лучше беги. Если он сказал тебе что-то – скорее всего, ты уже труп. И именно на этого человека ты налетел в свой первый же день в Камелоте. Поздравляю, на сей раз ты превзошел самого себя!

– Я должен вернуться к своим обязанностям, – продолжил Горвенал после некоторой паузы. – Сделай милость, пока будешь искать дорогу к своим покоям, не развяжи войну.

С этими словами он покинул конюшни, оставив молодого наследника недоуменно глядеть ему вслед.

V

Тристан неспешно брел по разветвлённым коридорам королевского дворца, погруженный в мрачные раздумья. В голове его вновь и вновь гулким эхом звучали слова наставника о Ланселоте дю Лаке. Разумеется, он и раньше слышал о легендарном Озерном рыцаре, чемпионе Камелота, непобедимом и неустрашимом. Слава Ланселота гремела по всей Логрии – мальчишки мечтали быть похожими на него, а девчонки – пойти с ним под венец. Но то, что рассказал Горвенал, никак не вязалось с образом благороднейшего из рыцарей, защитника слабых и поборника справедливости. Не мог ли он специально придумать все это, дабы поиздеваться над своим подопечным? С него станется...

А если все же это правда? Тристан искренне считал, что инцидент и яйца выеденного не стоит, но сам дю Лак вполне мог быть иного мнения. Если верить рассказам сенешаля, этот человек был практически всемогущ и мог убить за один неровный вдох в его присутствии. К тому же, колоссальная гордыня и надменность этой семьи давно стали притчей во языцех среди аристократии. Но ведь причинить вред наследнику – значит объявить войну всему Дому. Насколько далеко готов был зайти Ланселот? А может статься, он и вовсе уже забыл о случившемся? Высокородные лорды зачастую были столь же скоры на милость, сколь и на гнев. Наверняка у главы великого Дома есть дела поважнее. Во всяком случае, хотелось в это верить... И как еще назвал его Горвенал? «Фаворит Верховной королевы». Отец говорил, что она – лишь номинальная фигура и никакой реальной власти у нее нет. Но с чего тогда старый вояка решил отдельно подметить этот факт? Похоже, ничто в Камелоте не являлось тем, чем казалось на первый взгляд.

Печаль вязким облаком окутала Тристана. С самого приезда в столицу все шло наперекосяк. Отец бросил его, жители города вели себя так, словно он как-то заезжий торговец, а не наследник благородного Дома, Горвенал только и делал, что демонстрировал свое неуважение. А теперь еще и это. Всего пара дней в городе – и сплошные неприятности. О, как он мечтал об этом дне – когда он вырвется из своего заточения, когда жизнь изменится раз и навсегда, когда он сможет, наконец, доказать, чего стоит! И вот – этот день почти наступил, но на душе царили лишь грусть и разочарование.

Камелот оказался совсем не таким, как представлял себе юноша. О, сколько он был наслышан о красоте и величии столицы, места, где всегда царит праздник и сбываются мечты! Вместо этого величайший город Альбиона встретил его холодом каменных стен, вонью грязных улиц и безразличием своих обитателей. Хрустальный замок, в который он так мечтал попасть, разлетелся на тысячи мелких осколков. Даже в королевском дворце словно и не заметили появления наследника Лионессе – никто не устроил им торжественной встречи, не прислал слуг с дарами, не говоря уже о том, чтобы явиться лично, засвидетельствовать свое почтение. Возможно, это не так и страшно? Ведь, как-никак, официальная церемония представления только завтра. Но... что, если так будет и дальше? Вдруг судьба сыграла с ним злую шутку, и он вырвался из бесцельного прозябания в родном краю лишь для того, чтобы оказаться среди чуждого, враждебного мира, где никому нет до него дела? Дома все хотя бы было знакомым и понятным, а здесь... В свете последних событий будущее виделось ему отнюдь не таким безоблачным и чудесным, как раньше.

Предаваясь этим размышлениям, Тристан не заметил, как оказался возле небольшой арки, выведившей из коридора к обширному балкону на внешней стене замка. Решив, что глоток свежего воздуха поможет привести мысли в порядок, юноша шагнул в проем. Отодвинув легкую занавесь, прикрывающую проход, он ступил на открытую площадку, ощутив ласковое прикосновение легкого вечернего бриза. И тогда впервые увидел её.

Густая копна черных, точно вороново крыло, волос была распушена и слегка колыхалась на прохладном ветру. Полные, чувственные губы того же цвета эффектно оттеняли алебастровую кожу, вторя изящной линии тонких бровей. Простое темное платье свободного кроя не способно было скрыть плавные, грациозные очертания ее фигуры, придававшие сходство с дикой кошкой. Кружевная бархотка на шее с подвеской в виде гадюки была единственным украшением, не считая двух небольших колец в нижней губе. Она застыла у края и, положив руки на парапет, задумчиво глядела вдаль. На фоне предзакатного солнца, окрасившего небо во все оттенки пламени, незнакомка казалась древней богиней, явившейся из Иного мира, и лишь духам было ведомо, предвещала ли она счастье или беду.

Тристан застыл не месте, не в силах шелохнуться. В своей жизни он успел разделить ложе с многими женщинами и всегда считал, что тонко чувствует красоту и умеет различать ее там, где другие не способны. Но никогда еще он не видел ничего подобного. В этой девушке было что-то пугающе-холодное, словно вся она выточена из бледного мрамора, и вместе с тем, она обжигающе манила Тристана, точно погибельный огонь – мотылька. Лед и пламя слились в ней, делая ее притягательной и отталкивающей одновременно. Но кто же она такая? Отсутствие украшений и символики на одежде не позволяли сделать вывод о ее принадлежности к тому или иному Дому. Может, она вовсе не из благородных? Нет, ерунда, простолюдинки не могли обладать такой поразительной внешностью. Должно быть, кузина из какой-нибудь боковой ветви династии. Не станет же дочь или супруга правящего монарха разгуливать по дворцу в таком простецком наряде и без сопровождения.

Тут незнакомка, заметив, наконец, его присутствие, повернулась и посмотрела на юношу. Холодный пот тонкой струйкой пробежал по его хребту, когда их взгляды встретились. Глаза ее были двумя темными колодцами, поглощающими свет вокруг. Тристану показалось, что он заглянул в бездну. Или это бездна заглянула в него?

Но, совладав с чувствами, молодой наследник решил перейти от слов, а, точнее от взглядов, к действию. Одна навязчивая мысль поселилась в его голове, вытеснив собой все остальное: *«Эта женщина – самое прекрасное из всего, на что когда-либо падал взор человека. Она должна быть моей!»* Вооружившись этой мыслью, он пустил в ход все свое обаяние и перешел в наступление.

– Прекрасный вид, не находите? – он подошел к парапету, и, небрежно облокотившись, одарил девушку самой чарующей из своих улыбок. – Да и погода нынче стоит чудесная!

Красотка не удостоила юношу ответом. Бросив на него короткий небрежный взгляд, она отвернулась, снова погрузившись в созерцание заката и собственные мысли. Однако сломить решимость принца было не так-то просто.

– Прошу прощения, где же мои манеры? – попробовал он зайти с другого фланга – Я – Тристан из дома Лионессе, единственный сын и наследник моего отца, короля Марка Корнуольского. Прибыл в Камелот, дабы, согласно обычаю, предстать перед главами благородных Домов и, пройдя полагающееся мне испытание, стать рыцарем, – он старался держаться с достоинством, подобающим его статусу, и при этом выглядеть как можно более естественно. – Могу я поинтересоваться, почему столь прекрасная юная леди наслаждается таким чудесным вечером в одиночестве?

И снова молчание. Она даже не обернулась на его слова, не повела и бровью. Словно его здесь вообще не было.

«Делаешь вид, что не понимаешь намеков, да? Или просто любишь, когда сразу переходят к делу? Что ж, будь по-твоему...»

Покончив с прелюдиями, Тристан перешел в наступление. Юноша резко приблизился к незнакомке вплотную, развернув к себе и слегка прижав спиной к каменным перилам балкона. На его удивление, она не попыталась ни вырваться, ни оттолкнуть его, но хотя бы обратила на него внимание. Холодный мрамор ее лица наконец пришел в движение, изобразив что-

то среднее между пренебрежением и любопытством. Крохотная победа подогрела азарт молодого принца, и он поспешил закрепить успех:

– Никогда еще не встречал женщины красивее тебя, а уж я в этом кое-что понимаю... – томно прошептал он незнакомке на ухо.

Оказавшись так близко, он ожидал почувствовать аромат полевых цветов или благовоений, какими женщины обычно умащивали волосы, но вместо этого в нос ему ударил резкий запах горького миндаля. Как странно. Но тем интереснее! Похоже, эта женщина полна загадок. Полный решимости разгадать их все, Тристан подался чуть вперед, желая запустить руку ей в волосы и накрыть губы поцелуем. Девушка уперлась ладонью ему в грудь и мягко, но настойчиво попыталась отстранить назад. Это было уже слишком. Кем она себя возомнила, эта гордая выскочка? Она что, не осознавала, *кто* перед ней?

– Ты, кажется, не поняла, – медленно проговорил Тристан, чувствуя, как внутри сладость предвкушения сменяется разрастающимся гневом. – Я – наследный принц, мне не отказывают.

Он вновь наклонился, чтобы поцеловать ее. На сей раз красotka, казалось, не пыталась противиться. Их лица сблизилась почти вплотную... и тут резкий укол боли пронзил тело юноши. В испуге он отпрянул прочь, инстинктивно прижимая к себе поврежденную руку. Из небольшой ранки в районе ладони на каменные плиты пола упало несколько алых капель. Тристан недоуменно уставился на девушку. Она, напротив, представляла собой образец хладнокровия, глядя на него с торжествующим удовлетворением. Подле нее на парапете, словно из ниоткуда, возник крупный черный ворон. Его роскошное оперение лоснилось в последних лучах заходящего солнца, отливая металлом. Птица широко расправила крылья и, выгнув шею, угрожающе застрекотала. Не успел молодой принц изумиться, как на каменных перилах показались еще два ворона, не уступавшие размерами своему собрату. Первый питомец переглянулся со своей хозяйкой, словно ожидая приказа. Незнакомка коротко кивнула, и тогда птицы с оглушительным карканьем сорвались с места и ринулись на юношу. Никак не ожидавший такого поворота Тристан рухнул на пол, размахивая руками в тщетной попытке отбиться. Вороны продолжали раз за разом неистово кидаться на него, их острые когти оставляли на руках глубокие порезы, а мощные клювы пытались дотянуться до его глаз. Юный наследник мог лишь беспомощно закрываться руками, пытаясь защитить лицо. Наконец, повинаясь неведомой воле, крылатые хищники отступили, вновь заняв места на парапете.

Прошло некоторое время, прежде чем Тристан, убедившись, что нового нападения не последует, решился робко опустить ладони. Его руки и плечи обильно покрылись саднящими царапинами и порезами, не смертельными, но чрезвычайно болезненными. Вороны замерли в ожидании, не сводя с молодого принца взгляда своих маленьких, точно черные бусины, глаз, полных холодной злобы. Встопорщенные перья не оставляли сомнений в их готовности ринуться в атаку по первому велению хозяйки. Незнакомка по-прежнему стояла у парапета, на ее губах играла холодная улыбка, полная удовлетворения. Парализованный страхом юноша мог лишь сидеть и молча таращиться на нее. Он не отваживался даже пошевелиться, опасаясь снова навлечь гнев ее безжалостных стражей.

Наконец, обладательница волос цвета своих крылатых друзей развела в стороны руки, и вороны вмиг, по некому приказу, порхнули навстречу госпоже. Двое аккуратно устроились на ее запястьях, а один уселся на плече. Ласково потрепав питомцев по их роскошному оперению, красавица направилась в сторону юного наследника. Весь пыл корнуольского принца давно улетучился, и, к своему величайшему стыду, он боязливо отполз назад, крепче вжимаясь в каменное ограждение балкона. Когда она приблизилась, возвышаясь над ним, точно черная вестница смерти, оцепеневший от ужаса Тристан замер, не в силах предпринять что-либо. Красotka вальяжно наклонилась и протянула руку. От нее разлило лютым, замогильным холодом, заставившим его кожу покрыться толстым слоем мурашек. Мысленно он уже попросался

с родным Корнуоллом, отцом, положенной по наследству короной и заветным званием рыцаря. Но, к его немалому удивлению, она лишь ухмыльнулась и почти ласково провела рукой по его щеке. Юноше показалось, что скула у него онемела.

– Это ты не понял, птенчик, – мягко, даже почти нежно проговорила девушка. Ее голос был певучим и убаюкивающим. Его смело можно было назвать приятным, если бы не странная манера растягивать шипящие звуки, придававшая ее речи сходство с шиканьем змеи. Она глядела Тристану прямо в глаза, и он чувствовал, как под взором этих двух черных колодцев теряет всякое самообладание. Так гадюка смотрит на кролика, прежде чем совершить смертельный бросок, – Но ничего, уверена, этот урок ты запомнишь надолго. А если понадобится, – она ехидно подмигнула, – мы всегда можем вернуться к нашей милой беседе.

На этом незнакомка поднялась и, шурша платьем, направилась в сторону проема, не удостоив более юношу ни взглядом, ни словом. Лишь черные птицы проводили его немигающим взором своих маленьких глаз. Последний луч солнца уже исчез за горизонтом, когда Тристан очнулся от оцепенения.

VI

На всем протяжении длинного холла торжественно горели факелы. Каменные плиты пола, обычно покрытые соломой и тростником, в честь особого случая застелили коврами приятного темно-красного оттенка. Тристан гордо вышагивал по этой тропе судьбы, окруженный пышной свитой. Перед ним, держа в руках развевающиеся стяги, двигались знаменосцы. По бокам и сзади неотступно следовали верные телохранители – крепкие вооруженные мужчины, одетые в цвета Корнуолла. За наследником семенил молодой паж, придерживавший длинный шлейф его церемониального плаща. Изготовленный из роскошного алого бархата, он струился за своим хозяином широкой карминной полосой, словно река крови. Впереди всех шел Горвенал. Сенешаль в одежде всегда предпочитал изящности практичность, но сегодня, хвала духам, изменил своему принципу – его наряд, хоть и не слишком вычурный, был одобран вполне со вкусом. Центральное место в нем занимал парадный красный жакет³ с черной оторочкой и вышитой на груди Кровавой Розой.

Но, безусловно, главной жемчужиной процессии был сам виновник торжества. Тристан всю свою жизнь готовился к этому дню, и всё обязано было пройти идеально. Разумеется, юноша все подготовил заранее, еще дома, ведь подобрать одеяние для судьбоносного момента оказалось не так-то просто. Но после долгих раздумий и многих часов торчания перед зеркалом Тристан, наконец-то, определился. Для церемонии представления он выбрал легкий вороненый полудоспех, сочетавший металлические пластины с кольчужными элементами. Богато украшенная травлением и позолотой, броня представляла собой настоящее произведение искусства и, как и полагается экипировке членов правящей династии, была создана в мастерской дома Корбейн, издревле славившихся как лучшие кузнецы и оружейники на Альбионе. Доспех был довольно открытым, что позволяло Тристану беззастенчиво демонстрировать свое молодое натренированное тело. Из одежды на нем были лишь набедренная повязка и кожаные сандалии со шнуровкой до колена. Само собой, весь наряд был выдержан в родовых цветах Дома – алом и черном. Великолепный золотой торк⁴

³ Здесь – вид средневековой верхней одежды с зауженной талией и широкими, пышными рукавами. Длинной обычно не ниже середины бедра.

⁴ Торк (торквес) – металлический обруч (обычно из золота или серебра) сложной витой формы, носившийся на шее. Был призван показывать высокий статус владельца и его принадлежность к воинской элите. Торки считаются одним из наиболее узнаваемых атрибутов культуры кельтских народов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.